

Концепция зауми во взаимодействии символистской и постсимволистской парадигм

В современном литературоведении особую актуальность приобретает рассмотрение литературных течений серебряного века как целостного контекста. Этой логикой руководствуется, например, И.П. Смирнов, говоря в своей монографии «Художественный смысл и эволюция поэтических систем» (1977), что «...эстетическая действительность начала 1910-х годов обладала скрытым структурным каркасом» [4:101]. Такой тезис определяет дальнейшую тенденцию в подходах к изучению взаимодействия символистской и постсимволистской эстетических парадигм. Так, Е.В. Тырышкина в работе «Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду» подает достаточно полную картину состояния изученности темы, намечающую логику преемственности ряда современных исследований (Р.-Д. Клуге, О.А. Клинг, Н.Ю. Грякаловой и др.) относительно концепции И.П. Смирнова и свидетельствующую об актуальной объективности осмысления постсимволистских стратегий в их диалогической соотнесенности с символизмом [5]. Фокус обозначенных исследовательских интенций включает не только аспекты конкретной поэтики того или иного автора, произведения, но и общие мировоззренческие предпосылки анализируемых творческих установок.

Само терминологическое соположение эстетических парадигм «символизма» и «постсимволизма» в большинстве существующих концепций говорит о преимущественной маркированности символизма как опорной оценочной позиции в современном исследовательском поле, что с хронологической точ-

ки зрения представляется вполне обусловленным. Но диалектика диалога символизма и авангарда выявляет в авангардистской стратегии скорее предельную напряженность репрезентации общих мировоззренческих предпосылок, нежели тенденции эволюционного взаимоотталкивания.

Философско-эстетический контекст серебряного века актуализирует процесс выработки интуиций относительно универсализированных концепций языка, функционально удостоверяющих метафизический фокус мировидения эпохи в целом. Для русской эстетико-философской мысли начала XX века характерным явлением становится лингвоцентризм. Причем язык мыслится как онтологическая категория (Ср. у А. Белого: «...слово есть прямое выражение жизни») тотально-универсального характера.

Репрезентативным в этом смысле может оказаться тот смысловой потенциал и та продуктивно многомерная система перспектив, которые были заданы имяславческим вариантом подобных исканий. В значительной мере именно имяславческий круг проблематики позволяет очертить контуры специфической оптики мировоззренческо-эстетического характера, во многом ставшей определяющей в конфигурации дискурсивной самоидентификации основных художественных направлений начала XX века.

Имяславие стало основой для развития оригинальных философских концепций языка, разработанных П.А. Флоренским, А.Ф. Лосевым и С.Н. Булгаковым. В работах этих авторов на первый план выходит категория энергии, а центральная имяславческая

формула приобретает расширенное значение – «имя вещи есть сама вещь, но сама вещь не есть имя». Вещь присутствует в имени энергийно, но сама энергия не является сущностью вещи, хотя и не есть чем-то отдельным от нее. Главной идеей Флоренского, из которой вытекают дальнейшие рассуждения о природе имени, является мысль о «выраженности духовного в чувственном, ноумена в феномене – иначе говоря символичность» [6:297].

Самоочевидно близкими поэтому оказываются концепции символистов и имяславцев. О соотносимости теоретических построений А. Белого и П. Флоренского говорилось не раз: «По общности интуиций философской филологии в русской культуре «серебряного» века трудно найти фигуры более симметричные...» [3:3]. Об этой общности пишет и С.С. Хоружий: «Как на заре века «аргонавты» Флоренский и Белый согласно намечали в своей студенческой переписке первые теории символизма, так в 20-е годы «конкретный монизм» Белого целиком созвучен «конкретной метафизике» Флоренского и так же обращается к идее синергии – причем Белый прямо подчеркивает символистскую трактовку идеи» [7]. Символичность слова как явления смысла проходит путями отождествления его с явлением (магичность слова) и со смыслом (мистичность слова). Именно в этом проявляется тяготение к онтологизации выразительных средств искусства. Естественным следствием такой онтологизации является стирание границ между жизнью и искусством (в пределе – полное снятие оппозиции). Той же тенденцией определяются и попытки возрождения синкретизма через синтез разных сфер искусства (поэзии, живописи, музыки, танца), обусловленные намерением упразднить, снять рефлексивную, логико-дискурсивную сторону сознания. Общность концептуального ядра в данном случае выступает как инвариант, сквозной для культурного пространства серебряного века, но многомерно варьирующийся в своих конкретных реализациях.

Имя вообще для Флоренского является одновременно и откровением человеку себя как явления и сокрытием своей сущности (ср. у Лосева: «Субстанция сущности не выразиима, но символ способен нести в себе ее энергию» [2:917]). В этом плане имяславческий реализм соотносится с «реалистическим символизмом» Вяч. Иванова.

Сближает символизм с имяславием также мысль о восхождении в конечном итоге сим-

вола к Первосимволу, к Богу. Бычков указывает на соотнесенность построений А. Белого и святоотеческого предания относительно понимания символа: «Белый в своем понимании символа во многом продолжает (вероятно, сам того не подозревая) традиции александрийско-каппадокийских отцов Церкви, которые еще в поздней античности разработали развернутую систему символизма, основывающуюся на принципе, сформулированном Климентом Александрийским: «сокрывая раскрывать» [1].

Авангардистский контекст, вступая в активное диалогическое взаимодействие с традицией имяславческо-символистской онтологизации имени, сообщает ей значительную степень антиномичности. В отличие от символистских построений, авангардисты заметно переориентируют метафизический модус в интерпретации онтологичности языка. Это может проявляться в эффекте своего рода вульгаризированного механицизма, буквализирующего на мировоззренческом уровне декларативно гомогенные имяславческо-символистским, но функционально неизоморфные им апофатические дискурсивные стратегии. Инофункционально проявляет себя уже намерение апофатической онтологизации через акцентуацию на доречевых, дологических, импульсивно-симультанных формах высказывания. Это достигалось атомизацией, деконструкцией языка, которая, в конце концов, привела к самоценной актуализации звука и жеста. Авангард отсюда необходимо выходит к звуко-жестовому перформативу. Дальнейшее намерение деконструкции приводит в своем крайнем проявлении к молчанию («Поэма конца» В. Гнедова), имплицитно вызывающему к апофатическим интуициям символизма, но воплощающему их в ином функциональном регистре, апеллируя к поэтике зауми и далее – к потенциалу абсурдистской эстетики.

Сама интуиция усмотрения за пустотой преисполненности смысла (апофатичность смысла), которую авангардисты декларативно намеревались, преодолеть, но на деле плодотворно разрабатывали и утверждали иными средствами, фактически оказывается активно и продуктивно унаследованной ими от символизма.

Своего предела эстетика лингвоцентризма достигает в зауми. В частности, тенденция к онтологизации языка получает в этой перспективе наиболее совершенное воплощение. Это и позволяет предположить перспективность использования зауми как призмы для выявления и очерчивания той общей для

символизма и авангарда мировоззренческой интуиции, вариативными воплощениями которой они являются. Но «предельное» здесь не означает «конечное». Дальнейшее развитие зауми шло в двух планах: одни доходили до актуализации молчания (В. Гнедов «Поэма конца», аналог в живописи – «Черный квадрат» К. Малевича), другие, большей частью отойдя от опытов со звуковой стороной слова и углубляя семантические эксперименты, – до абсурда (ОБЭРИУты). Но в обоих случаях речь идет о попытке манифестировать некий общий, но разновалентный эквивалент актуализации молчания как универсальной эпистемологической категории.

В осмыслении смыслового потенциала авангарда проблема зауми зачастую оказывается локализовано придаточной и дополнительной компонентой. Те работы, которые непосредственно посвящены заумному языку, в большинстве своем носят либо апологетический, либо отрицающий характер, что свидетельствует об особой актуальности темы. Ведь все-таки, заумь является едва ли не самой репрезентативной составляющей авангарда. Очень симптоматично в этом контексте замечание А. Цуканова о том, что внутренние авангардистские интенции «более или менее отчетливо обозначились лишь полвека спустя – после становления постмодернистской философии. Акцентируя свое внимание на механизме давления языковых структур на сознание человека ... эта философия дала ключ к пониманию того факта, что авангард прежде всего занят поисками методов обращения с языком» [8:289]. По сути, это под-

тверждение интуиции П.А. Флоренского: «...общественное, а потому жизнетворческое ее (*деятельности футуристов* – М.Д.) воздействие, еще не вполне сказавшееся, было, думается, угловой точкой в теории словесности, и будущий историк отметит ее, как некоторый водораздел» [6:171].

Уже говорилось о зауми как о некотором пределе, заострении, в силу чего она ярче других вариативных проявлений высвечивает ту общую для авангарда и символизма «базисную трансформацию» (И.П. Смирнов). Перспективным представляется исследование функционирования зауми в авангардистских текстах, выявление ее не только структурных, но и структуропорождающих функций.

Таким образом, избранная аналитическая призма целостности имяславчески-авангардистского контекста как фокуса единства символистских и постсимволистских эстетических устремлений позволяет сделать ряд плодотворных, но предварительных наблюдений относительно своеобразия формирования, самоопределения и взаимодействия ведущих дискурсивных парадигм в культуре и литературе начала XX века. Позволяет, в частности, вычленивать такие концептообразующие категории, как тенденция к онтологизации высказывания через разнофункциональную апофатичность ее реализации. Следствием таких наблюдений могут стать дальнейшие аналитические шаги к выяснению параметров антиномичности в становящемся диалоге модернистских и авангардистских стратегий во многом моделирующем специфику эстетического ландшафта культуры XX века.

Литература

1. Бычков В.В. Эстетические пророчества русского символизма // <http://hesychasm.ru/library/creation/russymb.htm>. 2. Гогтишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // А.Ф. Лосев. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – С. 906–924. 3. Искржицкая И.Ю. А. Белый и П. Флоренский: Культурфилософия христианства // Вестник Моск. ун-та. – 1992. – № 5: Сер. 9: Филология. – С. 3–13. 4. Смирнов И.П. Художественный смысл

и эволюция поэтических систем. – М., 1977. 5. Тырышкина Е.В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. – Новосибирск, 2002. 6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – В 2-х т. – Т. 2. – М., 1990. 7. Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/problems/19.html>. 8. Цуканов А. Авангард есть авангард // НЛО. – 1999. – № 39 (5). – С. 289.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається символізм і постсимволізм у фокусі їхнього діалогу. Показана перспективність дослідження літератури срібного століття як цілісного контексту крізь призму «зауми».

SUMMARY

Article investigates interaction of contexts of symbolism and postsymbolism from the point of view of aesthetic and world outlook integrity. A basis for the research concept is the category role of the “zaum” as moment of unity of the marked contexts.